

Война, надежда, любовь...

Война ломала человеческие судьбы без разбора, забирала самых дорогих сердцу людей. На фронт уходили отцы, братья, мужья, возлюбленные... А женщинам оставалось надеяться и ждать. Ждать возвращения, ждать весточки. Перед нами небольшая часть фронтовых писем и открыток молодого человека, адресованных девушке Рите. Гена Зайцев, так звали этого парня (впоследствии его судьба была связана с политехом), писал своей подруге почти каждый день. Она, конечно же, ему отвечала и ждала.

Письмо. 4 февраля 1945 года.

Милая, дорогая Риточка! Первым долгом очень прошу тебя простить меня за отсутствие писем. Начиная с 15 января, я участвовал в отрезывании Восточной Пруссии и в последующем уничтожении окруженных немцев. 2-го числа меня малость ковырнуло осколком возле сердца и теперь придется подлечиться. Сегодня делали рассечение, но осколка не нашли. Своего я добился – теперь я вправе называть себя участником Отечественной войны. Одного немца я убил и при моем участии мы взяли 7 человек живыми. Сейчас я в госпитале, но скоро должен переехать, так что № п.п. переменится. Так что пока не пиши, а я то уж постараюсь тебя письмами обеспечить. Пока желаю всего наилучшего. Будь здорова и успешно учись. Передай всем мой сердечный привет.

Открытка. 9 февраля 1945 года.

Ритуся, милая! Пиши почаще обо всем и про всех. Как твои дела, как успехи? Чем развлекаешься? Что делают твои родные, как здоровье? У меня идет на поправку.

Открытка. 4 марта 1945 года.

Милая, дорогая Ритуся. Нежданно-негаданно в первый день весны, т.е. 1 марта, здесь снова началась зима. Была почти настоящая метель, которая здесь и в зимние-то месяцы редко бывает. А сегодня солнечный, но морозный день. Хотел написать тебе письмо, но получилась такая ерунда, что пришлось порвать. Не приходит в голову ни одной подходящей темы, а писать про себя одного тоже не интересно. Очень плохо с отправкой писем, еще лежат написанные 4 дня назад. Будь здорова, моя любимая. Крепко целую.

Письмо. 6 февраля 1945 года.

Добрый день, милая Ритуся! Пишу тебе после ранения второе письмо. 22 дня я участвовал в боях и 2-го февраля получил осколочное ранение мягких тканей левой стороны грудной клетки. 3 дня я болтался по разным лечебным, вернее санитарным, пунктам. Теперь попал в армейский ГЛР, имею более или менее постоянный адрес и буду ждать так долго

неполучаемых писем. За последний месяц я очень много видел. Буду понемногу описывать тебе, а когда в вероятно скором будущем встретимся, расскажу все-все подробно. До ранения были у меня кое-какие трофеи, которые лежали в планшете под шинелью. А когда ранило, осколки порвали ремешок планшета, и она потерялась, не знаю где. В мою одежду вошло 11 осколков, до тела дошло 4, а вошло только 3. Сейчас чувствую себя вполне хорошо. Маме про ранение не пишу. Будь здорова и счастлива. Сердечный привет.

Открытка. 2 марта 1945 года.

Дорогая Риточка! Абсолютно нет тем для писем. Неужели так и не придется получить от тебя хоть словечко. От таких дум на сердце вовсе не весело. А тут еще погода сдурела. По календарю весна, а во дворе метель. Этого никто не ожидал. Посылаю тебе открытку с изображением типичного немецкого дома. В подобном живу и я. Внутри он богато обставлен добытым грабежом. Но сейчас немцам приходится сполна рассчитываться за все. Привет всем. Крепко тебя целую.

Письмо. 8 февраля 1945 года.

Дорогая Риточка! В этом письме я хочу немного описать свои похождения, начиная с 15 января, когда я двинулся с исходных позиций в образовавшийся в немецкой обороне прорыв, недалеко от города Белостока, и направился на Данциг, чтобы этим самым отрезать Восточную Пруссию. Что это было за наступление, ты легко можешь представить, если вспомнишь начало войны. Творилось то же самое. Разница была в том, что русские и немцы поменялись ролями. На своем пути мы встречали только опустевшие города, в которых было абсолютно все на месте. Не было лишь населения, которое в панике бросало все, вплоть до денег, съестных припасов и верхней одежды. Очень часто приходилось встречать кипящие на плитах чайники, раз укушенный бутерброд, теплые постели и т.п. Очень и очень редко можно было встретить немку или старого немца, чаще встречались поляки и больше всего освобожденное из неволи русское население. Видел я и освобожденных французов. Свою задачу мы выполнили и обрезали громадную немецкую группировку, которую надо было «пересортировать»: сдающихся, а их было очень много, отправить на восстановление ими же разрушенного; сопротивляющихся уничтожить. И вот уже в этих операциях меня ранило. Вчера я послал тебе открытку, через которую прошел осколок, пробивший мою грудь. Напиши, получишь ли ты ее? На сегодня хватит. Будь здорова и счастлива. Привет всем.

Открытка. Без даты.

Ритуся! Смотри и вспоминай дни, когда ты получала от меня цветы живые. Когда-то они повторятся вновь. Жди и не теряй надежду. Сердечный привет!

Война окончилась, но демобилизовался Гена нескоро. Все время, пока он служил, переписка продолжалась. А потом, уже в мирной жизни, молодые люди поженились. В 1955 году Геннадий окончил Сталинградский сельскохозяйственный институт. А дальше трудовая биография Геннадия Григорьевича Зайцева была связана с нашим вузом. Он работал секретарем партбюро института, старшим преподавателем, деканом заочного отделения. Теперь переписка Геннадия Зайцева и Маргариты Шароновой хранится в музее истории ВолгГТУ.

P.S. Стилистика автора практически сохранена.